

РУССКОЙ СЛАВЫ ИМЕНА

АНДРЕЙ ГОЛУБЕВ • ВЯЧЕСЛАВ МАНЯГИН • ПАВЕЛ ХРУЛЁВ

ПЁТР СТОЛЫПИН

ВЕЛИКИЙ ЧЕЛОВЕК
ВЕЛИКОЙ РОССИИ!

Дмитрий Викторович Лобанов
Андрей Голубев
Павел Хрулёв
Петр Столыпин. Великий
человек Великой России!
Серия «Русской славы имена»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17071678

*Голубев А., Лобанов Д., Хрулёв П. Пётр Столыпин. Великий человек Великой России!: ЗАО «Книжный мир»; Москва; 2013
ISBN 978-5-8041-0589-2*

Аннотация

Пётр Аркадьевич Столыпин – выдающийся государственный деятель, министр внутренних дел, председатель Совета министров Российской империи. Это был поистине величайший человек, настоящий патриот, гениальный реформатор, грандиозными планами надолго опередивший свой век. Столыпин ежедневно, до самого своего трагического конца, совершал великий, титанический, ежедневный подвиг по спасению России. Великому человеку, мечтавшему сделать Россию великой, посвящается наша книга.

Как писали о Столыпине его современники, сумевшие оценить грандиозную фигуру великого русского политика и реформатора,

опасности родят героев, и не впервой России в годину лихолетий выдвигать лучших своих сынов на защиту царя и Родины.

Издание адресовано широкому кругу читателей, всем интересующимся историей нашего Отечества.

Содержание

Глава 1. Жизнь. «Честный часовой»	6
Глава 2. Контрреволюционер. «Не запугаете!»	51
Глава 3. Реформатор. «Пусть расцветет наш родной, русский цвет»	76
Конец ознакомительного фрагмента.	107

**Андрей Голубев, Дмитрий
Лобанов Павел Хрулёв
Пётр Столыпин. Великий
человек великой России!**

© А. Голубев, 2013

© Д. Лобанов, 2013

© П. Хрулёв, 2013

© Книжный мир, 2013

Глава 1. Жизнь.

«Честный часовой»

Как писали о Петре Аркадьевиче Столыпине его современники, сумевшие оценить грандиозную фигуру великого русского политика и реформатора, «опасности родят героев, и не впервые России в годину лихолетий выдвигать лучших своих сынов на защиту царя и Родины. Как это было в памятные великими бедами и скорбями народными годы Смутного времени начала XVII века, когда иноземные враги делили русские земли и Русская земля выдвинула на череду служения родине таких граждан, как Минин, патриарх Гермоген, князь Пожарский и келарь Авраамий Палицын, так и в смутные дни 1906 г. она на помощь ослабевшей и распадавшейся власти выдвинула П. А. Столыпина. В ту минуту, когда так нужен был устойчивый и твердый кормчий, он нашелся, и мы убедились, что не вконец оскудела Русская земля и может еще давать богатырей».

П. А. Столыпин был мужественным, глубоко честным, искренне и горячо любившим Россию, родной ей по крови человек. Он любил ее не отвлеченной, рассудочной любовью, а живой, теплой любовью, которая развивается и крепнет только на устоях непрерывной связи с прошлым Родины, которая двигает на жертвы ей и увеличивает силы в минуту

опасности.

Дворянский род Столыпиных уходил своими корнями глубоко в русскую историю.

Герб рода Столыпиных

Родоначальником Столыпиных был Григорий Столыпин.

Сын его Афанасий Григорьевич и внук Сильвестр Афанасьевич писались, как это видно из официальных документов, муромскими городовыми дворянами. Последний из них Сильвестр, за участие в войне с Польшей в 1654–1655 гг., был награжден поместьем в Муромском уезде. У внука этого Сильвестра Афанасьевича – Емельяна Семеновича, бывшего товарищем Пензенского воеводы, было два сына: секунд-майор Дмитрий Емельянович и Пензенский предводитель дворянства Алексей Емельянович. От брака последнего с Марией Афанасьевной Мещериновой было шесть сыновей. Александр, бывший адъютант генералиссимуса Суворова; Аркадий, друг Сперанского, женатый на дочери графа Николая Семеновича Мордвинова Вере Николаевне, и умерший в звании сенатора в 1825 году; умерший в молодых годах Петр; Николай, генерал-лейтенант, убитый во время бунта в Севастополе в 1830 году; Афанасий, бывший саратовский предводитель дворянства; Дмитрий, генерал-майор (родился в 1785 г., умер в 1826 г.) и пять дочерей, из которых старшая Елизавета Алексеевна была замужем за капитаном Преображенского полка Михаилом Васильевичем Арсеньевым и имела дочь Марию, которая вышла замуж за Юрия Петровича Лермонтова, отца знаменитого поэта Михаила Юрьевича Лермонтова. П. А. Столыпин приходился троюродным братом М. Ю. Лермонтову.

А. Изгоев в очерке «П. А. Столыпин» (1912) указал, что свою самую «крупную идею» – о необходимости преобразо-

вания общинной земельной собственности в личную – его герой заимствовал «отчасти из своих семейных преданий» – от деда Д. А. Столыпина.

Аркадий Дмитриевич Столыпин

Отцом П. А. Столыпина был Аркадий Дмитриевич Столыпин, известный севастопольский герой, генерал-адъютант и обер-камергер, женатый на княжне Наталье Михайловне Горчаковой. Таким образом, в Петре Аркадьевиче Столыпине соединилась кровь старинного весьма почтенного дворянского рода Столыпиных и княжеская кровь Рюриковны.

П. А. Столыпин четырех лет, с младшим братом А. А. Столыпиным, 1866 г.

Родился Петр Аркадьевич Столыпин 2/14 апреля 1862 года в столице Саксонии Дрездене, куда ездила к родным его мать. Детство свое провел в деревне, в имении Середнико-

во, под Москвой, где, вблизи с природой и народом, началось его воспитание. В 1874 году 12-летний Петр был зачислен во второй класс Виленской гимназии, где проучился до шестого класса. В сентябре 1879 года 9-й армейский корпус под командованием отца был возвращен из Болгарии в город Орел. Петр и его брат Александр были переведены в Орловскую мужскую гимназию. Петра зачислили в седьмой класс. По словам современника, он «выделялся среди гимназистов рассудительностью и характером».

3 июня 1881 года 19-летний Петр окончил Орловскую гимназию и получил аттестат зрелости. Он уехал в Санкт-Петербург, где 31 августа поступил на естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского Императорского университета. Во время обучения Столыпин одним из преподавателей университета был знаменитый русский ученый Д. И. Менделеев, который принимал у Столыпина экзамен по химии и поставил «отлично».

Ученик Виленской гимназии П. А. Столыпин. 1876 год

По окончании в 1884 г. курса в университете, 27 октября 1884 года, он поступил в Министерство внутренних дел. В октябре 1885 года советом Императорского Санкт-Петербургского университета Столыпин «утверждается кандидатом физико-математического факультета», что соответствовало получению ученой степени и окончанию университетского образования. На последнем курсе обучения им была подготовлена выпускная работа экономико-статистической тематики – «Табак (табачные культуры в Южной России)».

Через год он причислился к Департаменту земледелия и сельской промышленности Министерства земледелия и государственных имуществ, в котором последовательно занимал различные должности, и особенно интересовался сельскохозяйственным делом и землеустройством.

П. А. Столыпин – студент естественного отделения физико-математического факультета С.-Петербургского университета

Документы, относящиеся к начальному периоду службы П. А. Столыпина, в государственных архивах не сохранились. Но известно, что молодой чиновник на службе в Департаменте земледелия делал блестящую карьеру. В 1886 году он был утвержден в чине коллежского секретаря (что соответствовало X классу табели о рангах), в январе 1887 стал помощником столоначальника (VII класс) Департамента земледелия и сельской промышленности. Менее чем через год (1 января 1888 года) Столыпин был «пожалован в звание камер-юнкера Двора его императорского величества» (V класс). Таким образом, всего за два года он поднялся на пять ступенек по лестнице чинов бюрократической системы Российской империи.

Вскоре он вновь перешел в Министерство внутренних дел, первоначально Ковенским уездным предводителем дворянства и Председателем Ковенского съезда мировых посредников, а затем в 1899 году был назначен Ковенским губернским предводителем дворянства. Столыпин провел на службе в Ковно около 13 лет – с 1889 по 1902 годы. Это время его жизни, по свидетельству дочери Марии, было самым спокойным.

Служба на этих местах дала ему возможность весьма

близко ознакомиться с местными провинциальными нуждами, дала ему значительный административный опыт и завоевала ему симпатии местного населения, которое избрало его почетным мировым судьей по Инсарскому и Ковенскому судебным-мировым округам.

Усердие на службе было отмечено новыми чинами и наградами. В 1890 году он был назначен почетным мировым судьей, титулярным советником, в 1891 произведен в коллежские асессоры, в 1893 награжден первым орденом св. Анны, в 1895 произведен в надворные советники, в 1896 получил придворное звание камергера, в 1899 произведен в коллежские, а в 1901 и в статские советники.

Во время жизни в Ковно у Столыпина родились четыре дочери – Наталья, Елена, Ольга и Александра.

Столыпин в Ковно с уездными предводителями дворянства (1901 год)

Женитьба Столыпина была связана с трагическими обстоятельствами. На дуэли с князем Шаховским погиб старший брат Михаил. Существует предание, что впоследствии сам Столыпин также стрелялся с убийцей брата. Во время дуэли он был ранен в правую руку, которая после этого плохо функционировала, что часто отмечали современники. Михаил был помолвлен с фрейлиной императрицы Марии Федоровны Ольгой Борисовной Нейдгардт, являвшейся пра-

правнучкой великого русского полководца Александра Суворова. Существует предание, что на смертном одре брат положил руку Петра на руку своей невесты. Через некоторое время Столыпин просил ее руки у отца Ольги Борисовны, указав при этом на свой недостаток – «молодость». Будущий тесть, улыбнувшись, ответил, что «молодость – это тот недостаток, который исправляется каждый день». Брак оказался очень удачным. У четы Столыпиных родились пять дочерей и один сын.

Дом Столыпина под Ковно

В середине мая 1902 года П. А. Столыпин вывез свою

семью с самыми ближайшими домочадцами «на воды» в небольшой немецкий город Эльстер. В своих воспоминаниях старшая дочь Мария описывает это время, как одно из самых счастливых в жизни семьи Столыпиных. Она отметила также, что прописанные немецкими врачами грязевые ванны для больной правой руки отца стали давать – к радости всей семьи – положительные результаты.

П. А. Столыпин – Гродненский губернатор с сослуживцами и ближайшими подчинёнными (1903 год)

Спустя десять дней семейная идиллия неожиданно завер-

шилась. От министра внутренних дел фон Плеве, сменившего убитого революционерами Д. С. Сипягина, пришла телеграмма с требованием явиться в Петербург. Через три дня причина вызова стала известной – П. А. Столыпин 30 мая 1902 года был неожиданно назначен гродненским губернатором. Инициатива при этом исходила от Плеве, который взял курс на замещение губернаторских должностей местными землевладельцами.

П. А. Столыпин – гродненский губернатор (1902 год)

21 июня Столыпин прибыл в Гродно и приступил к исполнению обязанностей губернатора. В управлении губернии были некоторые особенности: губернатор был подконтролен генерал-губернатору Вильны (совр. Вильнюс); губернский центр Гродно был меньше двух уездных городов, Белостока и Брест-Литовска.

По инициативе Столыпина в Гродно были открыты еврейское двухклассное народное училище, ремесленное училище, а также женское приходское училище особого типа, в котором, кроме общих предметов, преподавались рисование, черчение и рукоделие. На второй день работы он закрыл Польский клуб, где господствовали «повстанческие настроения».

Освоившись в должности губернатора, Столыпин начал проводить реформы, которые включали расселение крестьян на хутора, ликвидацию чересполосицы, внедрение искусственных удобрений, улучшенных сельскохозяйственных орудий, многопольных севооборотов и мелиорации, развитие кооперации, сельскохозяйственное образование крестьян. Проводимые нововведения вызывали критику крупных землевладельцев. На одном из заседаний князь Святополк-Четвертинский заявил, что «нам нужна рабочая сила человека, нужен физический труд и способность к нему, а не образование. Образование должно быть доступно обеспе-

ченным классам, но не массе...» Столыпин дал резкую отповедь: «Бояться грамоты и просвещения, бояться света нельзя. Образование народа, правильно и разумно поставленное, никогда не приведет к анархии...»

Работа в Гродно вполне удовлетворяла Столыпина. Однако вскоре министр внутренних дел Плеве вновь сделал предложение Столыпину занять должность губернатора Саратовской губернии. Столыпин не хотел переезжать в Саратов, но Плеве заявил: «Меня Ваши личные и семейные обстоятельства не интересуют, и они не могут быть приняты во внимание. Я считаю Вас подходящим для такой трудной губернии и ожидаю от Вас каких-либо деловых соображений, но не взвешивания семейных интересов».

П. А Столыпин – Саратовский губернатор (1904 год)

Саратовщина не была незнакомой Столыпину: в губернии находились родовые земли Столыпиных. Двоюродный дед Петра Аркадьевича, Афанасий Столыпин, был саратовским предводителем дворянства, а его дочь Марья была замужем за князем В. А. Щербатовым, саратовским губернатором в

1860-х годах. На реке Алае находится село Столыпине, при котором – «опытный хутор» А. Д. Столыпина с развитым культурным хозяйством.

Назначение Столыпина саратовским губернатором являлось повышением по службе и свидетельствовало о признании его заслуг на различных должностях в Ковно и Гродно. Ко времени его назначения губернатором Саратовская губерния считалась зажиточной и богатой. В Саратове проживало 150 тысяч жителей, имелась развитая промышленность – в городе насчитывалось 150 заводов и фабрик, 11 банков, 16 тысяч домов, почти 3 тысячи магазинов и лавок. Кроме этого, в состав Саратовской губернии входили крупные города Царицын (ныне Волгоград) и Камышин, несколько линий Рязано-Уральской железной дороги.

Начало русско-японской войны Столыпин воспринял критично. Согласно воспоминаниям дочери, в кругу семьи он сказал: «Как может мужик идти радостно в бой, защищая какую-то арендованную землю в неведомых ему краях? Грустна и тяжела война, не скрашенная жертвенным порывом».

П. А. Столыпин принимает рапорт от волостного старшины в селе Пристанном Саратовской губернии (1904 год)

После поражения в войне с Японией Российскую империю захлестнули революционные события. При наведении порядка Столыпин проявлял редкое мужество и бесстрашие, что отмечают свидетели того времени. Он безоружным и без какой-либо охраны входил в центр бушевавших толп. Это так действовало на народ, что страсти сами собой утихали.

П. А. Столыпин на санитарном осмотре города Царицына во время холеры (сентябрь 1904 года)

Современник Столыпина В. Б. Лопухин так описывает один из эпизодов революционных событий того времени: «Достаточно известен эпизод, когда Столыпин в относительно скромной роли саратовского губернатора в ту пору, когда губернаторов расстреливали, как куропаток, врывается в бунтующую толпу. На него наступает человек с явно агрессивными намерениями, с убийством во взгляде. Столыпин бросает ему на руки снятое с плеч форменное пальто с приказанием, отданным так, как умеет повелевать одно только уверенное в себе бесстрашие: «Держи». Ошелом-

ленный презумптивный «убийца» машинально подхватывает губернаторское пальто. Его руки заняты. Он парализован. И уже мыслью далек от кровавой расправы. Столыпин спокойно держит речь загипнотизированной его мужеством толпе. И он, и она мирно расходятся».

*П. А. Столыпин в селе Булгаковка Вольского уезда
(июль 1904 года)*

Благодаря энергичным действиям Столыпина жизнь в Саратовской губернии постепенно успокаивалась. Действия

молодого губернатора были замечены Николаем II, который дважды выразил ему личную благодарность за проявленное усердие.

Во второй половине апреля 1906 г. Столыпина вызвали в Царское Село телеграммой за подписью императора. Встретив его, Николай II сказал, что пристально следил за действиями в Саратове и, считая их исключительно выдающимися, назначает его министром внутренних дел.

Дети Столыпиных в Саратове, 1905 г. Слева направо:

Наташа, Елена, Александра, Мария, Ольга. На полу сидит Аркадий

Переживший революцию и четыре покушения Столыпин пытался отказаться от должности. Примечательно, что двое из его предшественников на этом посту – Сипягин и Плеве – были убиты революционерами. О страхе и нежелании многих чиновников занимать ответственные посты, боясь покушений, неоднократно в своих мемуарах указывал первый премьер-министр Российской империи Витте.

На это государь ответил:

– Петр Аркадьевич, я вас очень прошу принять этот пост.

– Ваше величество, не могу, это было бы против моей совести.

– Тогда я вам это приказываю.

Столыпину ничего не оставалось делать, как только принять назначение.

*П. А. Столыпин – министр внутренних дел, с супругой.
(1906 г.)*

Ко времени его вступления в должность министра внутренних дел 26 апреля 1906 года, то есть ко времени начала его широкой политической деятельности, ему было 44 года. Это был мужественный, почти богатырского сложения человек, с привлекательным, величаво-спокойным, внушавшим невольное доверие и уважение лицом.

Начало его работы на новом посту совпало с началом работы I Государственной думы, которая была в основном

представлена левыми, с самого начала своей работы взявшими курс на конфронтацию с властью. Столыпин оказался хорошим оратором, а некоторые его фразы становились крылатыми. Всего на посту министра внутренних дел Столыпин выступал перед депутатами I Государственной думы трижды. При этом все три раза его речи сопровождались шумом, криками и выкриками с мест «Довольно», «Долой», «Отставка».

Столыпин изначально дал понять, что «надлежит справедливо и твердо охранять порядок в России». Отвечая на упреки о несовершенстве законов и, соответственно, невозможности их правильного применения, он произнес фразу, которая получила широкую известность: «Нельзя сказать часовому: у тебя старое кремневое ружье; употребляя его, ты можешь ранить себя и посторонних; брось ружье. На это честный часовой ответит: покуда я на посту, покуда мне не дали нового ружья, я буду стараться умело действовать старым».

О революционности Думы говорит ее отказ принять к требованию общей политической амнистии поправку депутата М. А. Стаховича, осуждавшую террор против власти. На его доводы о том, что на 90 казненных за последние месяцы приходится 288 убитых и 388 раненых представителей власти, большей частью простых городских со скамей левых кричали: «Мало!»

Председатель Совета Министров, Статс-Секретарь

П. А. Столыпин (1907 г.)

Такое противостояние между исполнительной и законодательной властью создавало трудности для выхода из послевоенного кризиса и революции. Последним решением Думы, которое окончательно склонило царя к ее роспуску, стало обращение к населению с разъяснениями по аграрному вопросу и заявлением, что она «от *принудительного отчуждения* частновладельческих земель не отступит». 8/21 июля 1906 года I Государственная дума была распущена императором. Столыпин заменил И. Л. Горемыкина на посту председателя Совета министров с сохранением должности министра внутренних дел.

На посту премьер-министра Столыпин действовал весьма энергично. Его запомнили как блестящего оратора, многие фразы из речей которого стали крылатыми, человека, справившегося с революцией, реформатора, бесстрашного человека, на которого было совершено несколько покушений.

Отношения Столыпина со II Государственной думой были весьма напряженными. В законодательный орган власти входило более сотни представителей партий, которые напрямую выступали за свержение существовавшего строя, – РСДРП и эсеры, чьи представители неоднократно устраивали покушения и убийства высших должностных лиц Российской империи. Польские депутаты выступали за выделение Польши из Российской империи в отдельное государство. Две самые

многочисленные фракции Думы, кадетов и трудовиков, ратовали за принудительное отчуждение земель у помещиков с последующей передачей крестьянам.

Члены революционных партий, ратовавших за смену государственного устройства, попав в Государственную думу продолжали заниматься антигосударственной деятельностью, о чем вскоре стало известно полиции, руководителем которой являлся Столыпин. 7 мая 1907 года он обнародовал в Думе «Правительственное сообщение о заговоре», обнаруженном в столице и ставившем своей целью совершение террористических актов против императора, великого князя Николая Николаевича и против него самого.

Правительство предъявило Думе ультиматум, требуя снять депутатскую неприкосновенность с предполагаемых участников заговора, предоставив Думе кратчайший срок для ответа. После того, как Дума не согласилась на условия правительства немедленно и перешла к процедуре обсуждения требований, царь, не дожидаясь окончательного ответа, 3 июня распустил Думу. Акт 3 июня формально нарушал «Манифеста 17 октября» и Основные законы 1906 года, в связи с чем противниками правительства был назван «Третьеиюньским государственным переворотом».

Следующим шагом, который предпринял Столыпин для нормализации политической жизни в стране, стало изменение избирательной системы. Взаимоотношения Столыпина с III Думой представляли собой сложный взаимный compro-

мисс, который позволил правительству под руководством П. А. Столыпина укротить революцию и заняться проведению реформ.

Во время революционных событий 1905–1907 годов были осуществлены десятки тысяч террористических актов, в результате которых погибло более 9 тысяч человек. Столыпин лично столкнулся с актами революционного террора. В него стреляли, бросали бомбу, направляли в грудь револьвер, революционеры приговорили к смерти путем отравления единственного сына Столыпина, которому было всего 2 года.

Среди погибших и пострадавших от революционного террора были родные, друзья и ближайшие знакомые Столыпина. И во многих случаях убийцам удалось избежать смертной казни вследствие судебных проволочек, адвокатских уловок и гуманности общества.

19 августа 1906 года был принят «Закон о военно-полевых судах». Он предусматривал отдавать преступников под суд в течение суток после акта убийства или вооруженного ограбления. Рассмотрение дела в суде – не более двух суток, приговоры утверждаются командующими военными округами и выполняются в течение 24 часов.

Закон о военно-полевых судах не был внесен правительством на утверждение в III Думу и автоматически потерял силу 20 апреля 1907 года. В итоге, вследствие принятых мер, революционный террор был подавлен, перестал носить массовый характер, проявляясь лишь единичными спорадиче-

скими актами насилия. Государственный порядок в стране был восстановлен.

Разгром революционного движения позволили П. А. Столыпину приступить к реализации своей основной реформы – аграрной. Началом реформы явился указ от 9 ноября 1906 года «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования». Указом был провозглашен широкий комплекс мер по разрушению коллективного землевладения сельского общества и созданию класса крестьян – полноправных собственников земли.

П. А. Столыпин со своим семейством на террасе Елагинского Дворца (1907 г.)

Особое значение Столыпин уделял восточной части Российской империи. Политика Столыпина относительно Сибири состояла в поощрении переселения на ее незаселенные просторы крестьян из европейской части России. Это переселение было частью аграрной реформы.

Со второй половины 1909 года наступило время думского затишья. Наладившаяся в ней работа не вызвала более необходимости выступлений Председателя Совета Ми-

нистров. Общее успокоение страны требовало тоже меньшей затраты его сил. Свою кипучую энергию Столыпин мог поэтому еще с большей силой направить на созидательную деятельность. Наибольшее его внимание было, как и раньше, обращено на реализацию закона о землеустройстве. К этому времени относятся его поездки по разным местностям России для ознакомления с землеустроительными работами и осмотра новых отрубных и хуторных хозяйств; поездка в Сибирь на Амурскую дорогу и поездки в Полтаву и Киев. За это же время он принимал участие во многих мелких делах. Так, он принял участие в борьбе с холерой, в работах по водоснабжению г. Петербурга и т. п.

П. А. Столыпин осматривает хуторские огороды близ

Москвы (апрель 1910 года)

Столыпин почти не имел личной жизни и личных интересов; всю свою энергию, всю удивительную свою трудоспособность он вкладывал в каждое дело, которое считал долгом исполнить и довести до конца. Отдыха он не знал, только летом на самое короткое время уезжал в деревню в свое имение, но и там он продолжал работать, не выпуская нитей государственного строительства и управления из своих рук. Только раз за 1906–1911 гг., заболев крупозным воспалением легких, позволил себе двухмесячную поездку в Крым. Обычно он работал с раннего утра до поздней ночи, не признавая утомления. Вставал очень рано, в начале восьмого был уже на прогулке; вернувшись в кабинет, принимался за просмотр текущих дел, делал пометки, подготовлял поручения подчиненным и пробегал газеты, делая внимательно отметки. С половины десятого начинались доклады и приемы высших чинов, лиц явившихся по посторонним делам, членов Думы и Государственного Совета. Промежутки между приемами заполнялись чтением книг, посвященных вопросам государственного права. Значительную часть времени он должен был заседать в Совете Министров и на совещаниях по важнейшим текущим делам и делам законодательства. Заседания эти нередко затягивались до утра. При таком обилии общегосударственных забот Столыпин умудрялся находить время и для менее важных вопросов; так, известны случаи,

когда он ночью лично посещал ночлежки, приюты и знакомился с жизнью наиболее бедствующей части населения столицы.

Столыпин выходит из склада сельскохозяйственных хуторских машин близ Москвы (август 1910 года)

Столыпин поставил себе за правило не вмешиваться в иностранную политику. Однако во время Боснийского кризиса 1909 года понадобилось прямое вмешательство премьер-министра. Кризис угрожал перерасти в войну с участием балканских государств, Австро-Венгерской, Германской и Российской империй. Позиция премьер-министра заключалась в том, что страна к войне не готова, и военного конфликта следует избежать любыми способами. В конечном итоге, кризис завершился моральным поражением России. После описываемых событий Столыпин настоял на увольнении министра иностранных дел Извольского.

В 1909 году начали портиться отношения между Николаем II и П. А. Столыпиным.

В первый раз компания против Столыпина была начата по вопросу о преобразовании русской миссии при японском правительстве в посольство. Законопроект по этому вопросу был внесен Столыпиным в Государственную Думу, причем правые хотели видеть в этом покушение Столыпина на прерогативы императора, но это дело было вскоре признано недостаточно ярким, и атака была оставлена.

Вторая атака на премьера не заставила себя ждать. После поражения русского флота в Цусимском сражении в 1905 году возникло предложение создать Морской штаб, а это тре-

бовало увеличения бюджета для его содержания. Столыпин решает провести данный вопрос через Думу. Нашлись те, которые немедленно доложили Николаю II, что Столыпин вмешивается в военную отрасль, которая находится исключительно в компетенции царя, и тот закон отклоняет.

Была и еще одна причина охлаждения отношений между императором и премьером. В то время Григорий Распутин приобретает значительное влияние на царицу. Столыпин предлагает Николаю II, чтобы прекратить разного рода кривотолки, выселить «святого старца» из столицы, на что тот отвечает: «Я с вами согласен, Петр Аркадьевич, но пусть будет десять Распутиным, чем одна истерика императрицы». Узнав об этом разговоре, Александра Федоровна также прониклась неприязнью к Столыпину и не раз настаивала на замене премьера.

В марте 1911 года Столыпин подал в Думу проект об утверждении земств в западных губерниях. Против премьер-министра сплотились противоположные силы – левые, которых реформы лишали исторической перспективы, и правые, усмотревшие в тех же реформах покушение на свои привилегии.

Столыпин просил царя обратиться через председателя Государственного совета к правым с рекомендацией поддержать законопроект. Один из членов Совета, В. Ф. Трепов, добившись приема у императора, высказал позицию правых и задал вопрос: «Как понимать царское пожелание, как при-

каз, или можно голосовать по совести?» Николай II ответил, что разумеется, надо голосовать «по совести». Правые восприняли такой ответ как согласие императора с их позицией, о чем незамедлительно проинформировали других правых членов Государственного совета. В результате 4 марта 1911 года законопроект был провален 68 голосами из 92.

Столыпин, узнав об этом, подал в отставку. Николай II сперва никак не отреагировал, но после разговора с матерью, вдовствующей императрицей Марией Федоровной, предложил забрать заявление. Столыпин согласился при условии, что Дума и Государственный совет будут распущены на три дня и закон вступит в силу по специальной статье. А еще убрать его главных противников из Госсовета, с 1 января 1912 назначить туда 30 новых членов по его выбору. На это царь согласился также после встречи с матерью.

Судьба Столыпина висела на волоске, и только вмешательство вдовствующей императрицы Марии Федоровны, убедившей своего сына поддержать позицию премьера, решило дело в его пользу.

В конце лета снова поползли слухи об отставке премьера. В августе 1911 года, находясь в отпуске в своем имении Колнобреже, Столыпин работал над проектами создания восьми новых министерств, искал резервы для резкого увеличения бюджета. Пришлось прервать эту работу в связи с поездкой в Киев для участия в торжествах по случаю открытия памятника Александру II, приуроченному к 50-летию кре-

стьянской реформы 1861 г.

Там жизнь Петра Аркадьевича прервал выстрел агента царской охранки и анархиста М. Богрова. 5/18 сентября 1911 года Столыпин умер после смертельного ранения, полученного за четыре дня до этого, 1/14 сентября в Киевском театре. Убийство Столыпина прозвучало первым ударом колокола, возвещавшего миру о скорой кончине императорской России. Весьма возможно, что Столыпин, который понимал лучше других всю опасность войны для России, смог бы избежать ее, если бы летом 1914 года был жив...

Глава 2. Контрреволюционер. «Не запугаете!»

Столыпин начинал свою деятельность в крайне трудное для России время – в эпоху разгула революционного террора, направляемого, прежде всего, партией эсеров, разработавших целую теорию политических убийств, подкрепленную зловещей практикой. Так, например, только в декабре 1906 года были убиты генерал А. П. Игнатьев (отец автора книги «Пятьдесят лет в строю» А. А. Игнатьева), петербургский градоначальник В. Ф. фон-дер-Лауниц, главный военный прокурор генерал-лейтенант А. С. Павлов. Террор был направлен и против Русской Православной Церкви. 28 мая 1908 года погиб Экзарх Грузии архиепископ Никон (Софийский), один из выдающихся деятелей Русского Православия.

Поэтому первой и главной задачей, которую должен был решить Петр Аркадьевич Столыпин, прежде чем перейти к реализации запланированных реформ, было подавление революционного движения, вылившегося в откровенный террор против государственных служащих и членов их семей.

В течение 1901–1907 годов были осуществлены десятки тысяч террористических актов, в результате которых погибло более 9 тысяч человек. Среди них были как высшие должностные лица государства, так и простые городовые. Часто

жертвами становились случайные люди.

Во время революционных событий 1905–1907 годов Столыпин лично столкнулся с актами революционного террора. По разным данным, на Столыпина было совершено от 11 до 18 покушений. В него стреляли, бросали бомбы и камни, в анонимном письме террористы угрожали отравить 2-летнего сына Аркадия. Среди погибших от революционного террора были друзья и ближайшие знакомые Столыпина (к последним следует отнести, в первую очередь, В. Плеве и В. Сахарова). И в том и другом случае убийцам удалось избежать смертной казни вследствие судебных проволочек, адвокатских уловок и гуманности общества.

С самого начала своей деятельности на посту премьер-министра в день роспуска I Государственной думы (9 июля 1906 г.), Столыпин заявил о бескомпромиссной борьбе с террором. В первом же своем циркуляре (от 11 июля) он заявил: «Открытые беспорядки должны встречать неослабленный отпор. Революционные замыслы должны пресекаться всеми законными средствами... Борьба ведется не против общества, а против врагов общества. Поэтому огульные репрессии не могут быть одобрены... Намерения государя неизменны... Старый строй получит обновление. Порядок же должен быть охранен в полной мере».

В ответ террористы объявили Столыпину войну на уничтожение.

Место взрыва 12(25) августа 1906 г.

Буквально через месяц, 12 августа 1906 года, когда Столыпин на своей даче на Аптекарском острове принимал посетителей, боевая организация эсеров подготовила на него и его семью покушение. Вот как описывает его современник (А. П. Аксаков), хорошо знавший все подробности преступления: «Спустя только месяц после назначения Столыпина Председателем Совета Министров, группа социалистов-революционеров максималистов организовала чудовищное по жестокости покушение. Произошел взрыв министерской дачи на Аптекарском острове. Вот в кратких словах описание этого события. 12 августа 1906 г., в 3 час. 15 мин. дня, во время приема у Председателя Совета Министров, к даче его

у Ботанического сада подъехало ландо, в котором находилось 3 человека; из них двое были в форме офицеров. Они подъехали к даче министра уже тогда, когда запись посетителей была прекращена, а потому, несмотря на приемный день, прислуга не хотела их впускать. Они проявили намерение проникнуть силой в следующую за прихожей приемную комнату, где ждали своей очереди многочисленные посетители и находился весь состоящий при Председателе Совета Министров штат должностных лиц. Во время столкновения с прислугой, один из злоумышленников, одетый в жандармскую офицерскую форму, бросил разрывной снаряд, тотчас же со страшной силой разорвавшийся. Силой взрыва были разворочены прихожая, прилегающая к ней дежурная комната и частью следующая за ней приемная, а также разрушен подъезд, снесен балкон второго этажа, опрокинута выходящая в сад деревянные стены первого и второго этажей. По всему зданию прошел страшный толчок. Сила взрыва была такова, что частями разрушенных стен и выброшенных из дома предметов мебелировки, а также мелкими осколками стекла была осыпана вся набережная перед дачей. Министр, принимавший просителей у себя в кабинете, остался невредимым. Его дочь и сын, находившиеся на балконе второго этажа, были ранены; первая в обе ноги, а второй в бедро с переломом кости. Найдящиеся в швейцарской и в соседних комнатах лица убиты и ранены. Раскопками, произведенными нижними чинами двух полков и пожарными пяти городских частей,

обнаружены 27 трупов и 32 человека с разными тяжелыми повреждениями; убийцы сами были убиты взрывом. Трупы лиц, бывших на даче, особ разных рангов и положений, среди которых были дамы и даже один младенец, найдены большей частью обезображенными, в виде бесформенных масс, без голов, рук и ног; и долго объятые ужасом, родные отыскивали среди этих обезображенных тел близких им людей. Карета скорой помощи отвезла детей министра в частную лечебницу доктора Кальмейера, куда скоро прибыл и сам П. А. Столыпин. Мальчику, сыну Столыпина, было только три года, а дочери его 14. Несчастная девочка, когда ее вытащили из-под досок и мусора, и понесли в соседний дом, говорят, спросила: «Что это – сон?» «Нет, это не сон, барышня», – ответили ей. Когда ее положили на кровать, и она увидела свои окровавленные ноги, она горько заплакала.

Адъютант Столыпина А. Л. Замятин, фактически спасший Столыпина от смерти ценой своей жизни

Дача Столыпина после взрыва 12(25) августа 1906 г.

Несмотря на страдания детей и ужас пережитой минуты, когда среди развалин дачи он видел себя окруженным обезображенными трупами, многие из которых представлялись искалеченными остатками близких ему людей, П. А. Столыпин не потерял присутствия духа и мужественно давал необходимые распоряжения.

«После того как детей увезли, – рассказывает один очевидец, – министр вошел в полуразрушенный кабинет, вместе с министром финансов Коковцевым, который уговаривал его

перевести семейство к нему.

— Когда я вытащил свою дочь из под обломков, ноги ее повисли как пустые чулки, — говорил он. Одежда министра вся была замазана известкой, на голове у него было большое чернильное пятно, так как во время взрыва подняло стол и опрокинуло чернильницу. Столыпин хладнокровно приказал позвать офицера и сказал ему: «Поставьте караул к столу; я видел здесь человека, который хотел его открыть. Тут государственные документы». В саду позади виллы отдавал приказания молодой чиновник, прикомандированный лично к Столыпину, весь окровавленный, перевязанный, каким-то чудом спасшийся из маленькой дежурной комнаты, совершенно разрушенной. На деревьях набережной висели клочья человеческого тела...

«В тот же вечер, — продолжает тот же очевидец (Г. Сыромятников), — я был у Столыпина, он бодро говорил мне, что надеется спасти своих детей»...

Ужасное, неудачное для активных революционеров покушение, стоившее стольких жизней, и причинившее столько страданий, вызвало общий крик негодованья и ужаса. Со всех сторон полетели к Столыпину выражения искреннего соболезнования. Сам Государь удостоил его следующей сердечной телеграммой: «Не нахожу слов, чтобы выразить свое негодование; слава Богу, что Вы остались невредимы. От души надеюсь, что Ваши сын и дочь поправятся скоро, также и остальные раненые».

Все испытывали жгучее негодование и презрение к подлым убийцам, только левые и кадетские группы, по обыкновению, высказывались сдержанно и лукаво».

Вечером семья переехала в дом премьера на Фонтанке. Вскоре по предложению императора Столыпина переселились в Зимний дворец, где охрана была надежнее.

На следующий день после взрыва на Аптекарском острове на станции Новый Петергоф эсерка З. В. Коноплянникова застрелила генерал-майора Г. А. Мина на глазах дочери и жены. Потрясенный этими событиями император приказал принять строжайший закон относительно террористов.

19 августа 1906 года был принят «Закон о военно-полевых судах», который в губерниях, переведенных на военное положение или положение чрезвычайной охраны, временно вводил особые суды из офицеров, ведавших только делами, где преступление было очевидным (убийство, разбой, грабеж, нападения на военных, полицейских и должностных лиц). Предание суду происходило в течение суток после совершения преступления. Разбор дела мог длиться не более двух суток, приговор приводился в исполнение в 24 часа. Введение военно-полевых судов было вызвано тем, что военные суды (постоянно действующие), на тот момент разбиравшие дела о революционном терроре и тяжких преступлениях в губерниях, объявленных на исключительном положении, проявляли, по мнению правительства, чрезмерную мягкость и затягивали рассмотрение дел. В то время как в

военных судах дела рассматривались при обвиняемых, которые могли пользоваться услугами защитников и представлять своих свидетелей, в военно-полевых судах обвиняемые были лишены всех прав.

Опубликованный в газетах 25 августа 1906 года «Закон о военно-полевых судах» сопровождался длинным перечнем террористических актов последнего времени и комментариями правительства, повторявшими слова П. А. Столыпина: «Революция борется не из-за реформ, проведение которых почитает своей обязанностью и правительство, а из-за разрушения самой государственности, крушения монархии и введения социалистического строя». В своей речи от 13 марта 1907 года перед депутатами II Думы премьер так обосновывал необходимость действия этого закона: «Государство может, государство обязано, когда оно находится в опасности, принимать самые строгие, самые исключительные законы, чтобы оградить себя от распада. Бывают, господа, роковые моменты в жизни государства, когда государственная необходимость стоит выше права и когда надлежит выбирать между целостью теорий и целостью отечества».

Подавление революции сопровождалось казнями отдельных ее участников по обвинению в бунте, терроризме и поджогах помещичьих усадеб. Несмотря на несовершенство статистики и противоречивость отдельных данных, можно говорить о том, что за шесть лет действия закона с 1906 по 1911 годы по приговорам военно-полевых судов было каз-

нено по различным данным от 683 до 6 тысяч человек (по тем временам масштаб казней для России был беспрецедентным), а к каторжным работам приговорено 66 тысяч. В основном казни приводились в исполнение через повешение.

Столыпина резко осуждали за столь жесткие меры. Смертная казнь у многих вызывала неприятие, и ее применение напрямую стали связывать с политикой, проводимой Столыпиным. В обиход вошли термины «скорострельная юстиция» и «столыпинская реакция». В частности, один из видных кадетов Ф. И. Родичев во время выступления в Думе в запальчивости допустил оскорбительное выражение «столыпинский галстук», как аналогию с выражением Пуришкевича «муравьевский воротник» (подавивший Польское восстание 1863 года М. Н. Муравьев-Виленский получил у оппозиционно настроенной части русского общества прозвище «Муравьев-вешатель»). Премьер-министр, находившийся в тот момент на заседании, потребовал от Родичева «удовлетворения», то есть вызвал его на дуэль. Подавленный критикой депутатов Родичев публично принес свои извинения, которые были приняты. Несмотря на это, выражение «столыпинский галстук» стало крылатым. Под этими словами подразумевалась петля виселицы.

П. А. Столыпин 12 августа 1907 г. на закладке памятника погибшим 12 августа 1906 года при взрыве его министерской дачи на Аптекарском острове

Лев Толстой в статье «Не могу молчать!» выступил против военно-полевых судов и соответственно политики правительства: «Ужаснее же всего в этом то, что все эти бесчеловечные насилия и убийства, кроме того прямого зла, которое они причиняют жертвам насилий и их семьям, причиняют еще большее, величайшее зло всему народу, разнося быстро распространяющееся, как пожар по сухой соломе, развращение всех сословий русского народа. Распространяется же

это развращение особенно быстро среди простого, рабочего народа потому, что все эти преступления, превышающие в сотни раз все то, что делалось и делается простыми ворами и разбойниками и всеми революционерами вместе, совершаются под видом чего-то нужного, хорошего, необходимого, не только оправдываемого, но поддерживаемого разными, нераздельными в понятиях народа с справедливостью и даже святостью учреждениями: сенат, синод, дума, церковь, царь».

Его поддержали многие известные люди того времени, в частности, Л. Андреев, А. Блок, И. Репин. Журнал «Вестник Европы» напечатал сочувственный отклик «Лев Толстой и его «Не могу молчать».

В ответ на эти нападки Петр Аркадьевич в своей думской речи ответил: «Но надо помнить, что в то время, когда в нескольких верстах от столицы, от царской резиденции, волновался Кронштадт, когда измена ворвалась в Свеаборг, когда пылал Прибалтийской край, когда революционная волна разлилась в Польше и на Кавказе, когда остановилась вся деятельность в южном промышленном районе, когда распространялись крестьянские беспорядки, когда начал царить ужас и террор, правительство должно было или отойти и дать дорогу революции, забыть, что власть есть хранительница государственности и целостности русского народа, — или действовать и отстоять то, что было ею сделано... За наши действия в эту историческую минуту, действия, которые

должны вести не ко взаимной борьбе, а к благу нашей родины, мы точно так же, как и все, дадим отчет перед историей... Я убежден, что та часть Государственной думы, которая желает работать, которая желает вести народ к просвещению, желает разрешить земельные нужды крестьян, — сумеет провести тут взгляды свои, хотя бы они были противоположны взглядам правительства. Я скажу даже более, я скажу, что правительство будет приветствовать всякое открытое разоблачение какого-либо неустройства, каких-либо злоупотреблений. В тех странах, где еще не выработано определенных правовых норм, центр тяжести, центр власти лежит не в установлениях, а в людях. Людям, господа, свойственно и ошибаться, и увлекаться, и злоупотреблять властью. Пусть эти злоупотребления будут разоблачаемы, пусть они будут судимы и осуждаемы. Но иначе должно правительство относиться к нападкам, ведущим к созданию настроения, в атмосфере которого должно готовиться открытое выступление; эти нападки рассчитаны на то, чтобы вызвать у правительства, у власти паралич и воли, и мысли. Все они сводятся к двум словам, обращенным к власти: «руки вверх». На эти слова, господа, правительство с полным спокойствием, с сознанием своей правоты, может ответить только двумя словами: «не запугаете».

Современники подчеркивали, что последние слова П. А. Столыпина «не запугаете» прозвучали ясно и твердо, установили его неуклонно боевое отношение к революции. Сло-

ва эти имели особенно сильное значение, так как были произнесены тем человеком, дети которого еще недавно были искалечены ужасным взрывом, в то время, когда раскрывались новые и новые покушения на его собственную жизнь, и когда вокруг совершались убийства его сотрудников.

«Столыпин говорил, – писал Е. Н. Трубецкой, – как власть имеющий, как человек, сознающий свою силу. Напротив, оппозиции не доставало уверенности в себе, социал-демократы потерпели полное поражение в своих отдельных выступлениях. Что же касается молчания кадетов и других левых групп, то оно также не было победоносным... Вся русская оппозиция в этот день почувствовала себя парализованною».

Эта речь дала Столыпину сразу значение оплота силы, власти и законности, который до того как бы отсутствовал. Все почувствовали, что наступил конец параличному состоянию правительства, что власти возвращается ее ответственность, что она готова без страха дать отпор внутренним врагам и продолжать бестрепетно работу по обновлению государственной жизни.

Думская победа Столыпина встретила громадное сочувствие в широких кругах русского общества. Поздравления, приветствия и адреса со многими тысячами подписей, посылавшиеся к нему со всех сторон, еще более вдохновляли его.

Епископ Евлогий, близко знавший Столыпина, почти 30 лет спустя, уже будучи в эмиграции, вспоминал: «Эти зна-

менитые два слова «Не запугаете!» отразили подлинное настроение Столыпина. Он держался с большим достоинством и мужеством. Его искренняя прекрасная речь произвела в Думе сильное, благоприятное впечатление. Несомненно, в этот день он одержал большую правительственную победу...»

Однако подпольная деятельность революционных партий продолжалась. Сердца руководящей кучки революционеров не дрогнули пред ключьями разорванных на Аптекарском острове тел, пред массой бесплодно загубленных жизней, и эсеровские «боевые дружины», летучие отряды и группы бомбистов стали вновь сорганизовываться. Уже в декабре 1906 года неким Добржинским была организована «боевая дружина», которая, по поручению центрального комитета партии социалистов-революционеров, должна была убить того же П. А. Столыпина; она была во время открыта и захвачена.

7 мая 1907 года Столыпин обнародовал в Думе «Правительственное сообщение о заговоре», обнаруженном в столице и ставившем своей целью совершение террористических актов против императора, великого князя Николая Николаевича и против самого Столыпина: «В феврале текущего года отделение по охранению общественного порядка и безопасности в Петербурге получило сведение о том, что в столице образовалось преступное сообщество, поставившее ближайшей целью своей деятельности совершение ряда тер-

рористических актов. [...] В настоящее время предварительным следствием установлено, что из числа задержанных лиц значительное число изобличается в том, что они вступили в образовавшееся в составе партии социалистов-революционеров сообщество, поставившее целью своей деятельности посягательство на священную особу Государя Императора и совершение террористических актов, направленных против Великого князя Николая Николаевича и председателя Совета Министров [...] В квартире оказались, действительно, члены Государственной думы».

В заговоре приняли участие 55 депутатов, и Столыпин, сообщая Думе о его раскрытии и обыске в квартире депутата Озоля, заявил, что представляется необходимым принятие мер к обеспечению правильного хода правосудия, для чего требуется разрешение Думы на привлечение нескольких ее членов в качестве обвиняемых. Премьер добавил, что всякое промедление со стороны Думы в разрешении предъявленных к ней требований или неполное их удовлетворение поставит в невозможность дальнейшее обеспечение спокойствия и порядка в государстве.

После того, как Дума не согласилась на условия правительства немедленно и перешла к процедуре обсуждения требований, царь, не дожидаясь окончательного ответа, 3 июня распустил II Государственную думу. Тогда же были арестованы все депутаты с.-д., которые еще не скрылись. Население встретило роспуск Думы совершенно спокойно: не

было ни демонстраций, ни попыток устраивать забастовки. «Революция объективно закончилась», – писал П. Б. Струве.

Еще продолжались террористические акты, аграрные волнения, но даже Ленин на конференции социал-демократов признавал, что «революционной ситуации» больше нет.

В революционном движении наступило временное затишье. П. А. Столыпин заявил: «Дайте государству двадцать лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России»

П. А. Столыпин с дочерью Натальей (1908 г.)

Манифест от 3 июня, объявивший о роспуске II Государственной думы, в то же время объявил и о новом избирательном законе. «Измененный по инициативе Столыпина избирательный закон создал большую ответственность депутатов перед избирателями, а потому сделал выборы более сознательными; в то же время он устранил опасность переполнения Думы инородцами, сократив их число. Введением этого закона, Столыпин сделал великий шаг вперед на пути создания нового строя русской жизни; он привел Россию к Думе работоспособной, при содействии которой удалось, наконец, стать на прочную почву законодательных работ» (А. П. Аксаков).

Новая избирательная система, которая использовалась при выборах в III Государственную думу, увеличила представительство в ней землевладельцев и состоятельных горожан, а также русского населения по отношению к национальным меньшинствам, что привело к формированию проправительственного большинства. Большинство в новоизбранной III Думе составили «октябристы». Находящиеся в центре «октябристы» обеспечивали Столыпину принятие законопроектов, вступая в коалицию по тем или иным вопросам либо с правыми, либо с левыми членами парламента. В то же время партия Всероссийский национальный союз, которой покровительствовал премьер, лидировала в думской на-

циональной фракции, занимавшей промежуточное положение между октябристами и правой фракцией.

По свидетельству современников, III Государственная Дума явилась «созданием Столыпина». С первых же дней деятельности этой Думы требовал разъяснений вопрос о современном государственном строе в России. Выступление Столыпина по этому вопросу состоялось 16 ноября 1907 года. При полном составе всех депутатов, в зале, заполненном публикой, на ораторской трибуне появился П. А. Столыпин. Голос его звучал громко, отчетливо и ясно. Были даны ответы на самые серьезные вопросы русской жизни.

Современник вспоминает: «Когда Столыпиным затрагивались наиболее серьезные и важные вопросы русской жизни, давались ответы на них с обычным его красноречием, — громадное большинство Государственной думы прерывало его слова горячими и громкими аплодисментами. Первый гром таких аплодисментов раздался тогда, когда он говорил о том, что разрушительное движение перешло в открытое разбойничество, и указал на его развращающее влияние на молодежь. Он говорил:

«Для всех теперь стало очевидным, что разрушительное движение, созданное крайними левыми партиями, превратилось в открытое разбойничество и выдвинуло вперед все противообщественные преступные элементы, разоряя честных тружеников и развращая молодое поколение.

Противопоставить этому явлению можно только силу. Ка-

кие-либо послабления в этой области, правительство сочло бы за преступление, так как дерзости врагов общества возможно положить конец лишь последовательным применением всех законных средств защиты. Для этого Правительству необходимо иметь в своем распоряжении, в качестве орудия власти, должностных лиц, связанных чувством долга и государственной ответственности. Поэтому, проведение ими личных политических взглядов и впредь будет считать несовместимым с государственною службою. [...]

Сознавая настоятельность возвращения государства от положения законов исключительных к обыденному порядку, правительство решило всеми мерами укрепить в стране возможность быстрого и правильного судебного возмездия. Оно пойдет к этому путем созидательным, твердо веря, что, благодаря чувству государственности и близости к жизни русского судебного сословия, правительство не будет доведено смутю до необходимости последовать примеру одного из передовых западных государств и предложить законодательным собраниям законопроект временной приостановке судебной несменяемости.

В обстановке, когда насилие захлестнуло страну и когда Россию фактически толкали к гражданской войне, совершенно понятной становилась позиция Столыпина, выраженная словами: «Там, где аргумент – бомба, там, конечно, естественный ответ – беспощадность кары». В письме к Николаю II Петр Аркадьевич так выразил необходимость применения

силы против насилия: «Тяжелый, суровый долг возложен на меня Вами же, Государь. Долг этот, ответственность перед Вашим Величеством, перед Россией и историей диктует мне ответ мой: к горю и сраму нашему, лишь казнь немногих предотвратят моря крови».

Время правления Столыпина известно нам из всевозможных публикаций, от школьных учебников до докторских диссертаций, как «столыпинская реакция», как некая мрачная эпоха. Говорили и писали об этом много, упорно, долго, создавая устойчивое представление о том, что с 1906 по 1911 год страной управляло правительство, преследовавшее любую критику своих действий, не допускавшее ни малейшего контроля над собой, и притом правительство, поправлением законов.

Последнее доказывалось особенно усердно, и прежде всего потому, что лица, разжигавшие пожар мировой революции на русском пепелище и публично заявлявшие, что диктатура пролетариата есть диктатура, не ограниченная никакими законами – ни юридическими, ни нравственными, были чрезвычайно заинтересованы в том, чтобы все думали, будто царские министры были тоже жестоки и также не признавали ни законов, ни нравственных авторитетов. Для этой цели и был создан миф, гласящий, что казнь революционера есть преступление, а военные суды – это не что иное, как издевательство над правосудием.

В разменном историографическом обращении находи-

лись непереносимые клише: «скорострельная юстиция», «столыпинский галстук», «столыпинский вагон». Мало кто вспоминает, что «столыпинские вагоны» впервые появились в 1908 году как вагоны, приспособленные для перевозки переселенцев из Европейской России в Сибирь.

И если столыпинскую юстицию называть «скорострельной», а политику Столыпина именовать «реакцией», то следует восстановить истину и напомнить, что эта юстиция и эта реакция были лишь ответом, естественным реагированием на бомбометательную практику борцов за «мировое счастье». Как государственный деятель Столыпин опирался на закон, как патриот он защищал национальные традиции, как христианин – Русскую Православную церковь.

Сам Столыпин объяснял вынужденность суровых карательных мер так: «...Повторяю, обязанность правительства, святая обязанность – ограждать спокойствие и законность, свободу не только труда, но и свободу жизни, и все меры, принимаемые в этом направлении, знаменуют не реакцию, а порядок, необходимый для развития самых широких реформ».

Император особым рескриптом от 1 января 1908 года, при пожаловании П. А. Столыпину звания статс-секретаря, выразил ему свою сердечную признательность за его труды, причем в числе его заслуг было особенно отмечено – «возрастающее доверие населения к правительству, особенно наглядно проявившееся при выборах в III Государственную ду-

му, и многие отрадные признаки несомненного успокоения страны».

Наиболее тревожное время было Россией пережито. Смута закончилась.

Закон о военно-полевых судах так и не был внесен правительством на утверждение в III Государственную думу и автоматически потерял силу 20 апреля 1907 года. В итоге, вследствие принятых мер, революционный террор был подавлен, перестал носить массовый характер. Государственный порядок в стране был сохранен. И в этом была огромная заслуга П. А. Столыпина.

Глава 3. Реформатор.

«Пусть расцветет наш родной, русский цвет»

На протяжении семи послереволюционных десятилетий мало что говорилось о реформаторской деятельности Столыпина за исключением его аграрной реформы. А между тем, 25 августа 1906 года в газетах, одновременно с «Законом о военно-полевых судах» была опубликована обширная программа экономических и политических преобразований, намеченных правительством.

В этот список входили: свобода вероисповеданий, неприкосновенность личности и гражданское равноправие, улучшение крестьянского землевладения, улучшение быта рабочих (государственное страхование), введение земства в Прибалтийском и в Западном крае, земское и городское самоуправление в Царстве Польском, реформа местного суда, реформа средней и высшей школы, введение подоходного налога, объединение полиции и жандармерии и издание нового закона об исключительном положении. Упоминалось также об ускорении подготовки созыва церковного собора и о том, что будет рассмотрен вопрос, какие ограничения для евреев, «вселяющие лишь раздражение и явно отжившие», могут быть немедленно отменены.

Совершенно очевидно, что хотя сердцевину реформ составляли идеи преобразования общинного землевладения, обеспечение политики и практики переселения и нововведений в школе, но знаменитая столыпинская реформа была задумана Петром Аркадьевичем как многоаспектное изменение страны, включающее модернизацию земской управы и судебного дела, улучшение положения рабочих, новую организацию кредитного дела, проведение новых коммуникаций и многое другое.

Столыпин придавал огромное значение созданию для реформ благоприятного социального фона, без чего, по его мнению, немислимо было их успешное завершение. Издавна считалось, что любая реформа ухудшает экономическое положение и вносит дисбаланс в общество, подводя его подчас к опасной черте, за которой может последовать обвал, надлом, а то и социальная катастрофа.

То, что подобные суждения не лишены смысла, мы можем подтвердить опытом последних радикально-экономических реформ, проводимых в стране с 1992 года. Цена их, как известно, оказалась слишком высока. Особенно социальная цена. В результате – массовое обнищание населения, потеря трудящимися своих важнейших социальных завоеваний: права на отдых, на труд, бесплатное образование, лечение и т. д.

Очевидно, главная причина кроется в том, что к рулю

управления реформами были допущены люди лишённые «государственного настроения души», говоря словами философа Ивана Ильина. Их основные усилия были направлены на то, чтобы насильственно внедрить на российской почве методики, некритично заимствованные (а точнее, разработанные) на Западе в недрах международных финансово-экономических структур. Все это толкнуло страну на путь освобождения от ее исторического прошлого, от культурных и нравственных традиций нашего народа.

Примечательно, что начал Столыпин не с низов, как это часто бывает, а с самой верхушки, т. е. с правительства. Он понимал, что проводить реформу предстояло все-таки ей, и он пошел на весьма смелый шаг, попытавшись в корне изменить отношение к правительству в Государственной Думе.

Столыпин был центром правительственной власти. Все государство в это время целиком олицетворялось его личностью. Петр Аркадьевич все это хорошо понимал, хотя и старался не злоупотреблять этим. Напротив, при каждом удобном случае он подчеркивал свои симпатии и уважение к народному представительству и его органу – Государственной Думе. По словам Н. П. Шубинского, жесткость силовых решений правительства всегда удачно драпировалась его подчеркнутым уважением к народному представительству и разнообразным выразителям его – от признанных вождей до самых мелких сошек. Выступая в Думе, Столыпин не устал страстно повторять: тут нет ни судей, ни обвиня-

емых. Эти скамьи (указывал он на правительственные кресла) – не скамьи подсудимых, а места правительства России. При этом он был далек от мысли о том, что в эпоху реформ правительство вообще не подлежит критике. Члены правительства – это такие же люди, как и все, которым свойственно и ошибаться, и увлекаться, и злоупотреблять властью. Хотя, безусловно, все злоупотребления должны быть осуждаемы и судимы.

П. А. Столыпин в Зимнем дворце (1908 г.)

Выступая в Думе, Столыпин неизменно подчеркивал органичность и национальную идентичность реализуемых им

реформ. «Я хочу, — говорил он, — еще сказать, что все те реформы, все то, что только что Правительство предложило вашему вниманию, — ведь это не сочинено, мы ничего насильно, механически не хотим внедрять в народное сознание, — все это глубоко национально. Как в России до Петра Великого, так и в послепетровской России местные силы всегда несли служебные государственные повинности. Ведь сословия, — и те — никогда не брали примера с Запада, не боролись с властью, а всегда служили ее целям. Поэтому наши реформы, чтобы быть жизненными, должны черпать свои силы в этих русских национальных началах. Каковы они? В развитии земщины, в развитии, конечно, самоуправления, передаче ему части государственных обязанностей, государственного тягла, — и в создании крепких людей земли, которые были бы связаны с государственной властью... Нельзя к нашим русским корням, к нашему русскому стволу прикреплять какой-то чужестранный цветок. Пусть расцветет наш родной, русский цвет, пусть он расцветет и развернется под влиянием взаимодействия Верховной Власти и дарованного ею нового представительного строя. Вот, господа, зрело обдуманная правительственная мысль, которою воодушевлено правительство... Правительство должно избегать лишних слов, но есть слова, выражающие чувства, от которых в течение столетий усиленно бились сердца русских людей. Эти чувства, эти слова должны быть осуществлены в мыслях и отражаться в делах правителей. Слова эти: *неуклонная привер-*

женность к русским историческим началом. Это противовес беспочвенному социализму, это желание, это страстное желание и обновить, и просветить, и возвеличить родину, в противность тем людям, которые хотят ее распада.

*П. А. Столыпин в своем кабинете Зимнем дворце
(1907 г.)*

Если, выступая в первой Думе, в своих речах Столыпин наметил только некоторые вехи правительственной деятельности, то во вторую он явился уже с подробной, строго продуманной и вполне реальной программой. Призывая Думу к совместной работе с правительством, и говоря о систе-

ме защиты правительственных законопроектов, он заявлял о готовности правительства относиться с полным вниманием к тем мыслям, которые будут противопоставляться мысли правительственного законопроекта, и добросовестно решать, совместимы ли они с благом государства, с его укреплением и величием; в то же время он признавал необходимым учитывать все интересы, вносить все изменения, требуемые жизнью и, если это будет нужно, подвергать законопроекты переработке согласно выяснившейся во время обсуждения жизненной правде.

Не борьба с революцией (это была задача текущего момента), а именно реформирование всех сторон государственной жизни было главным направлением деятельности Столыпина. А его реформы, прежде всего, основывались на прекрасном состоянии русских финансов.

Ежегодно расходы бюджета увеличивались на 72 миллиона рублей, а доходы – на 75–80 миллионов. Несмотря на то, что Русско-японская война обошлась казне в огромную сумму – 2,3 миллиарда рублей, Россия нашла средства не только на покрытие ежегодных бюджетных расходов, но и на сокращение государственного долга. Если к концу 1909 года долг по государственным займам достиг наивысшей после Русско-японской войны суммы – 9,054 миллиарда рублей, то к концу 1913 года он понизился на 230 миллионов рублей.

Каким именно направлениям правительственной политики отдавал наибольшее предпочтение Столыпин? Об этом

свидетельствует, например, бюджет на 1911 год. В нем расходы по Министерству народного просвещения увеличились по сравнению с предыдущим годом на 28,4 процента, по Морскому министерству – на 21,3 и по Главному управлению землеустройства и земледелия – на 18,6 процента. К лету 1911 года Столыпин разработал план новых, еще более обширных преобразований, для финансирования которых он намеревался увеличить бюджет более чем в 3 раза – до 10 миллиардов рублей, прежде всего за счет повышения крайне низких по сравнению с европейскими странами налогов. Когда же в 1912 году в Думе встал вопрос о возможности выполнения гигантской – так называемой Большой судостроительной – программы, министерство финансов заверило Думу, что для осуществления этой программы нет никакой необходимости прибегать к займам в течение ближайших десяти лет. Считалось возможным одновременно финансировать и военные, и гражданские программы при условии ежегодного роста доходов в 3,5 процента: в годы правления Столыпина эта цифра доходила до 4 процентов.

Благодаря постоянному превышению доходов над расходами свободная наличность государственного казначейства достигла к концу 1913 года небывалой суммы – 514,2 миллиона рублей. Эти средствагодились как нельзя кстати в августе 1914 года, когда разразилась Первая мировая война. К ее началу золотой запас России достиг 1,7 миллиарда рублей, и русское правительство могло обеспечить металличе-

ским покрытием более половины всех кредитных билетов, в то время как в Германии, например, считалось нормальным покрытие только на одну треть.

Такое прекрасное состояние финансов позволило правительству начать реализацию всего комплекса запланированных реформ. Не будем пока касаться аграрной реформы, выделив ее в отдельную главу, рассмотрим другие аспекты задуманного Столыпиным преобразования страны.

Реформа образования

Одной из самых жгучих проблем России начала XX века было состояние образования. Насколько нетерпимо обстояло дело с образованием, в особенности в провинциальной глубинке, говорит хотя бы такой пример из жизни Пензенской губернии: в 1906 году в Мокшанском уезде в школах и училищах всех типов обучение проходили лишь 45 процентов мальчиков и 17 процентов девочек школьного возраста. Стремление к развитию в России образования охватило все общество, и в данном случае Столыпин мог опираться на достаточно мощную поддержку в Думе.

Общие расходы только по Министерству народного просвещения повысились с 1907 по 1911 год более чем вдвое – с 45,9 до 97,6 миллиона рублей. Кроме того, в 1911 году расходы на науку и просвещение по смете Святейшего Синода превысили 18 миллионов рублей, а по смете других ве-

домств – еще 27 миллионов рублей. За это же время (1907–1911) расходы на высшее образование увеличились с 6,9 до 7,5 миллиона рублей. В 1909 году в Саратове был открыт университет.

Более заметно росли ассигнования на среднее образование: на гимназии, реальные и технические училища, учительские институты, семинарии и школы. С 1907 по 1911 год расходы на эти цели увеличились с 13,8 до 17,1 миллиона рублей. Однако максимальные средства выделялись на начальное образование. Если в 1907 году на него расходовалось 9,7 миллиона рублей, то в 1911 году-уже 39,7 миллиона. Министерство народного просвещения предоставляло земствам и городам кредиты на введение всеобщего обучения. К лету 1911 года сумма таких кредитов достигла 16,5 миллиона рублей.

Посещение П. А. Столыпиным собрания студентов-академистов в Лесном, близ Санкт-Петербурга (октябрь 1910 года)

В июне 1908 года в связи с введением всеобщего начального образования в России III Государственная Дума ассигновала дополнительно еще 6,9 миллиона рублей. Часть этих средств направлялась на постройку и оборудование училищ, часть – на выдачу училищам пособий, которую предназначались исключительно на содержание учителей, а следовательно, обучение в училищах становилось бесплатным и города и земства могли не сокращать расходов на народное образова-

ние. По планам Министерства народного просвещения, все дети дошкольного возраста должны были получить со временем бесплатное минимальное образование. Соответствующие планы разрабатывались и земствами.

В 1911 году в России насчитывалось свыше 100 тысяч начальных школ, из них почти 60 тысяч принадлежало министерству народного просвещения, а 34 тысячи были церковноприходскими, причем во всех этих школах обучалось 6 миллионов человек. В 1911 году в церковно-приходских школах прошло обучение около 1,5 миллиона человек. Долгие десятилетия о церковных школах даже не упоминалось, тогда как именно они сыграли огромную роль в распространении образования среди малоимущих слоев населения и по преимуществу в сельской местности. В 1908 году в церковных школах работало – в подавляющем большинстве случаев бесплатно – более 40 тысяч законоучителей, в том числе – 32 тысячи священников. Преподавались и общеобразовательные предметы, и здесь учителями часто также были священники, диаконы, псаломщики. Общие расходы на церковные школы в 1907 году составили 16,7 миллиона рублей – эта сумма складывалась из средств Синода и епархий.

Наравне с Русской Православной церковью чрезвычайно много для народного просвещения делало земство. В августе 1911 года в Москве состоялся (благодаря содействию Столыпина) первый общеземский съезд по народному образованию. Более трехсот делегатов, представлявших всю Рос-

сию, и 42 приглашенных на съезд специалиста разработали подробную систему развития образования и его материального обеспечения. 21 августа съезд постановил: «Признать введение общедоступности начальной школы неотложным... Признать желательным принцип обязательности начального обучения».

Петру Аркадьевичу, безусловно, было легче проводить свою политику в области образования, когда две мощные силы дореволюционной России – Православная Церковь и земство – поддерживали его начинания. Летом 1911 года он составил проект увеличения числа средних учебных заведений до 5 тысяч, а высших – до 1–1,5 тысячи к 1933–1938 годам. Плату за обучение предполагалось установить незначительную, с тем, чтобы даже малоимущие классы могли получать высшее образование.

Земская реформа

По плану Столыпина, земельная реформа должна была проходить одновременно с развитием земщины, развитием самоуправления путем сдачи ему, как он говорил, части государственных обязанностей, государственного тягла. Именно таким образом можно было создать крепких людей земли, тесно связанных с государственной властью, которые обеспечивали бы социальное спокойствие и порядок в стране. Но при этом подобное усиление, как мы бы сейчас сказали, ре-

гиональной власти не должно было вредить единству России.

П. А. Столыпин. Портрет работы И. Репина (1910 г.)

Сам Петр Аркадьевич считал реформу местного самоуправления особенно в Западном крае, важнейшей составной частью своей программы. Выступая в Думе, он говорил.

«Сейчас у нас на очереди другая важная реформа Я говорю о реформе местной. Проектируемому правительственным законопроектом институту уездных начальников приписывают стремление умалить авторитет уездных предводителей. Это совершенно несправедливо. Исторически, традиционно сложившаяся крупная местная сила является авторитетом, который правительству ломать не приходится. Задача заключается в том, чтобы суметь скомбинировать с этою местною властью, остающеюся в уезде первенствующею, власть доверенного, уполномоченного правительственного лица. Наше местное управление должно быть построено по той же схеме, как и во всех других благоустроенных государствах. Посмотрите на Францию и Германию. Везде одно и то же. Внизу основой всего – самоуправляющаяся ячейка – сельская община, на которую возложены многие обязанности и государственные, как то: дела полицейские, дела по воинской повинности и проч. Ни у одного государства нет материальных средств, чтобы довести принцип разделения власти правительственной и общественной до самых низов государства. Но уже в уездах везде на западе мы видим подобное разделение. Наряду с самоуправляющимися едини-

цами во Франции – правительственные супрефекты, в Германии – правительственные ландраты. Нечто аналогичное предстоит и в России...

П. А. Столыпин разговаривает с хуторянином Лащенковым и старостой близ Москвы (август 1910 года)

Новое земство, по правительственному законопроекту, должно перестать быть сословным, но землевладельцы должны сохранить в нем свое влияние. Землевладелец – это крупная культурная сила в великом деле устройства государства. Напрасно опасаются, что, в случае принятия законопроекта, старые испытанные земские работники, создавшие в течение 40 последних лет нынешнее земство, будут затерты новыми

лицами. Они будут ими не затерты, а подкреплены...

Итак, на очереди главная задача – укрепить низы. В них вся сила страны. Их более ста миллионов. Будут здоровые и крепкие корни у государства, поверьте, и слава русского правительства совсем иначе зазвучит перед Европой и перед целым миром. Дружная, общая, основанная на взаимном доверии работа – вот девиз для всех нас русских. *Дайте государству 20 лет покоя внутреннего и внешнего и вы не узнаете нынешней России».*

Столыпин придавал важное значение земской реформе в Западном крае, где русское население (белорусы и малороссы) находились в неравном положении по отношению к другим национальностям, прежде всего, полякам, из которых состояла большая часть землевладельцев. Закон о земстве в Западном крае был неразрывным, неотъемлемым звеном, входившим в цельную планомерную национальную политику, был делом любви Столыпина к России, к народу русско-му и к пахарю западного края. Не полицейскими мерами, говорил он, спасем мы белоруса и малоросса от экономического и культурного гнета польских помещиков. Тут необходим сильный подъем русской культуры, которого мы без русского земства не достигаем. Отдавая дань уважения польской культуре, он, как глубоко русский человек, открыто заявлял, что есть культура, которая ему милей и ближе – русская культура для русского народа. Его политика не была политикой угнетения, устранения какой либо из нерусских на-

родностей, а чисто положительной политикой, стремящейся поднять русскую культуру и экономическую силу русского на рода.

Председатель Совета Министров, Статс-Секретарь П. А. Столыпин

Обсуждение и принятие Закона о земстве в Западных губерниях вызвало «министерский кризис» и стало последней победой Столыпина перед его смертью.

Предпосылкой будущего конфликта стало внесение правительством законопроекта, который вводил земство в губерниях Юго-Западного и Северо-Западного. Законопроект значительно уменьшал влияние крупных землевладельцев (представленных, в основном, поляками, доля которых в этих губерниях составляла от 1 до 3,4 %) и увеличивал права мелких (представленных русскими, украинцами и белоруса-ми).

В этот период деятельность Столыпина протекала на фоне усиливавшегося влияния оппозиции, где против премьер-министра сплотились противоположные силы – левые, которых реформы лишали исторической перспективы, и правые, усмотревшие в тех же реформах покушение на свои привилегии и ревностно относившиеся к быстрому воз-вышению выходца из провинции.

Лидер правых, не поддерживавших этот законопроект, П. Н. Дурново писал царю о том, что «проект нарушает импер-ский принцип равенства, ограничивает в правах польское консервативное дворянство в пользу русской «полуинтели-генции», создает понижением имущественного ценза преце-

дент для других губерний». Столыпин, выступавший за этот закон, представлялся правым чуть ли не опаснейшим революционером.

Столыпин просил царя обратиться через председателя Государственного совета к правым с рекомендацией поддержать законопроект. Один из членов Совета, В. Ф. Трепов, добившись приема у императора, высказал позицию правых и задал вопрос: «Как понимать царское пожелание, как приказ, или можно голосовать по совести?» Николай II ответил, что, разумеется, надо голосовать «по совести». Трепов и Дурново восприняли такой ответ как согласие императора с их позицией, о чем незамедлительно проинформировали других правых членов Государственного совета. В результате 4 марта 1911 года законопроект был провален 68 голосами из 92.

Карикатура на Столыпина

Утром следующего дня Столыпин отправился в Царское Село, где подал прошение об отставке, объяснив, что не может работать в обстановке недоверия со стороны императора. Николай II говорил, что не хочет лишаться Столыпина, и предлагал найти достойный выход из создавшегося положения. Столыпин поставил царю ультиматум – отправить интриганов Трепова и Дурново в длительный заграничный отпуск и провести закон о земстве по 87-й статье. 87-я статья Основных законов предполагала, что царь может самостоятельно проводить те или другие законы в период, когда Государственная дума не работает. Статья была предназначена для принятия неотложных решений во время выборов и междумских каникул.

Близкие к Столыпину люди пытались отговорить его от столь жесткого ультиматума самому царю. На это он отвечал: «Пусть ищут смягчения те, кто дорожит своим положением, а я нахожу и честнее, и достойнее просто отойти совершенно в сторону. Лучше разрубить узел разом, чем мучиться месяцами над работой разматывания клубка интриг и в то же время бороться каждый час и каждый день с окружающей опасностью».

Судьба Столыпина висела на волоске, и только вмешательство вдовствующей императрицы Марии Федоровны, убедившей своего сына поддержать позицию премьера, ре-

шило дело в его пользу. В воспоминаниях министра финансов В. Н. Коковцова приводятся ее слова, свидетельствующие о глубокой благодарности императрицы к Столыпину: «Бедный мой сын, как мало у него удачи в людях. Нашелся человек, которого никто не знал здесь, но который оказался и умным, и энергичным и сумел ввести порядок после того ужаса, который мы пережили всего 6 лет тому назад, и вот – этого человека толкают в пропасть, и кто же? Те, которые говорят, что они любят Государя и Россию, а на самом деле губят и его и родину. Это просто ужасно».

Император принял условия Столыпина через 5 дней после аудиенции у Николая II. Дума была распущена на 3 дня, закон проведен по 87-й статье, а Трепов и Дурново отправлены в отпуск.

Дума, проголосовавшая ранее за указанный закон, восприняла это как полное к себе пренебрежение. Лидер «октябристов» А. И. Гучков в знак несогласия покинул пост председателя Государственной думы. Впоследствии на допросе Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 2 августа 1917 г. Гучков говорил о Столыпине, что «человек, которого в общественных кругах привыкли считать врагом общественности и реакционером, представлялся в глазах тогдашних реакционных кругов самым опасным революционером».

Военная реформа

Почти ничего до недавнего времени не было известно о деятельности П. А. Столыпина по обеспечению «мировых интересов» России, то есть по укреплению обороноспособности страны, в первую очередь, по усилению флота. Забота Столыпина об обороне России была продиктована не только «мировыми интересами» страны. Другая, столь же немаловажная причина заставляла уделять самое пристальное внимание российским вооруженным силам. По свидетельству С. Д. Сазонова, Столыпин неоднократно повторял, что для успеха русской революции необходима война, без нее она бессильна. Петр Аркадьевич понимал, что революция станет бессильной тогда, когда наиболее острые проблемы русской жизни, дающие пищу для революционной агитации, будут решены, причем решены мирно и на прочной законной основе.

П. А. Столыпин и Министр Двора Барон Фредерике на «Штандарте» (Рига, 1910 г.)

Именно Столыпин был инициатором восстановления русского флота, крайне ослабленного после Русско-японской войны 1904–1905 годов. В июне 1908 года Столыпин заявил: «Великие мировые державы имеют и мировые интересы. Великие мировые державы должны участвовать и в международных комбинациях, они не могут отказываться от права голоса в разрешении мировых событий. Флот – это тот рычаг, который дает возможность осуществить это право, это

необходимая принадлежность всякой великой державы, обладающей морем».

В 1909 году Столыпин добился начала строительства на Балтике первых русских кораблей-дредноутов. В 1911 году ему удалось провести через Думу законы об усилении Балтийского и Черноморского флотов (на это выделялось 222 миллиона рублей). Уже после смерти Столыпина, в 1912 году, Дума приняла «Большую судостроительную программу» на 430 миллионов рублей. И это отнюдь не было гонкой вооружений. В 1909 году затраты Германии на военно-морской флот превосходили расходы России на эти же цели почти в 2 раза. В США расходы на военный флот были в 2,9 раза, а в Англии – в 3,5 раза больше, чем в России.

Выступая в Думе, Столыпин сказал, что отказ в кредитах флоту будет равносильен «изъятию одного из краеугольных, одного из важнейших камней. Отказ – это будет остановка... При теперешнем мировом состязании народов такая остановка гибельна».

Из-за того, что Дума не всегда поддерживала требования военных, Россия к началу Первой мировой войны (август 1914 года) имела всего 1 линкор-дредноут в строю и 3 линкора-дредноута почти готовых, но еще не прошедших ходовых испытаний. Англия имела тогда 22 дредноута, Германия – 16 дредноутов.

Балтийские линейные корабли-дредноуты типа «Севастополь» (спущены на воду в июне-октябре 1911 года) бы-

ли лучшими в мире. Они превосходили современные им английские линкоры типа «Белерофон» и «Сент-Винсент», германские типа «Нассау», «Остфрисланд» и «Кайзер», американские типа «Делавар», французские типа «Жан Бар». В 1912–1917 годах Россия строила на Черном море усовершенствованные линейные корабли типа «Императрица Мария» (решение об их постройке было принято еще в августе 1911 года). Линкоры «Севастополь» развивали скорость до 24 узлов, то есть на 2–4 узла больше своих зарубежных конкурентов. Русские корабли имели и более сильное вооружение. Перевес в скорости хода и мощности артиллерии позволял русским линкорам навязывать противнику время и дистанцию боя. К тому же русские снаряды были и сильнее немецких того же калибра. На больших (свыше 4 километров) дистанциях боя, а именно на таких дистанциях велись морские сражения во время Первой мировой войны, преимущество более тяжелых снарядов сказывалось особенно заметно. Поэтому итальянский журнал «Ривиста маритима» совершенно справедливо писал: «...С технической точки зрения несомненно, что в русских кораблях наиболее разумно соединены крупная сила, хорошее бронирование и отличная скорость с крайне умеренным водоизмещением».

Примечательно, что «Севастополь» и однотипные «Гангуг» и «Петропавловск» участвовали в Великой Отечественной войне, защищали Севастополь и Ленинград. «Севастополь» и «Гангуг» (переименованный в «Октябрьскую рево-

люцию») оставались в составе нашего флота до 1956 года. Линейный корабль «Императрица Мария» после революции был разобран, но его 305-миллиметровые орудия главного калибра участвовали в 1942 году в защите Севастополя в составе артиллерии береговой обороны.

Столыпин был убежден, что «России нужен могучий линейный флот, который опирался бы на флот миноносный и подводный». Уже в 1911 году был спущен на воду новейший эскадренный миноносец «Новик», ставший головным кораблем в серии эсминцев. Ему принадлежал мировой рекорд скорости – 37,3 узла. В Великой Отечественной войне участвовали 17 эсминцев типа «Новик», а 7 из них оставались в составе нашего флота до начала 50-х годов. При Столыпине быстро развивался и русский подводный флот, постоянно пополнявшийся все новыми подводными лодками конструкции выдающегося кораблестроителя И. Г. Бубнова.

Когда в 1908 году многие выдающиеся деятели III Государственной думы, возмущенные глубокими не порядками, продолжавшими царить в морском ведомстве, в особенности по делу судостроения, решили демонстративно отказать в кредите на судостроение, не превышавшем тогда 11000000, надеясь вызвать тем ускорение реформирования ведомства, П. А. Столыпин, становясь выше партийных технических требований, выше ведомственных интересов и даже выше правительственной точки зрения, возвышаясь до уровня го-

сударственной идеи, призывал к тому же и членов Думы:

«Для всех, кажется, теперь стало ясно, что только тот народ имеет право и власть удержать в своих руках море, который может его отстоять... Беззащитность на море так же опасна, как и беззащитность на суше... Вот почему дело кораблестроения везде стало национальным делом...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.